

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-434-449>

EDN: VFAQYL

Научная статья / Research Article

Тема страдания в творчестве М. Фуко

Е.А. Попов

Алтайский государственный университет,
Российская Федерация, 656049, Барнаул, ул. Димитрова, д. 66

 popov.eug@yandex.ru

Аннотация. Статья раскрывает основания темы страдания в концепции М. Фуко. Данная тема разворачивается на уровне дискурсивного анализа Фуко и отсылок к концепту биополитики. Объединяющим звеном для столь противоречивых явлений становится знание. При этом ключевой тезис в подходе мыслителя выглядит следующим образом: любое знание о мире и месте человека в нем передается через символический обмен, влияет на отношение субъекта к окружающей реальности. Страдание появляется в результате разрыва символического обмена под воздействием биополитики. Разрыв высвобождает сакральное знание о мире, основанное на ценностно-смысловых структурах человеческого индивидуального и коллективного бытия. Биополитика и власть ставят цель получения доступа к данному знанию. В статье исследуется данный подход и дается оценка инструментам воздействия биополитики на индивида в сравнении с психиатрической властью, дополняющей такое влияние. Фуко прослеживает историю безумия для обоснования идеи о возрастании страданий субъектов, экстраполирует эту идею на современный социальный мир для демонстрации его социально-политической и социально-экономической уязвимости. В статье показано, какие основания предлагает Фуко для концептуализации страдания в условиях властного воздействия на социального субъекта со стороны биополитики. Выявлено, что власть, согласно подходу Фуко, запускает маховик биополитики, продолжением которой становится власть психиатрическая. Главным основанием темы страдания в подходе Фуко становится выявление доступности сакрального знания о мире. Символический обмен обеспечивает эту доступность, но Фуко утверждает, что биополитика одновременно осуществляет контроль за знанием и вмешивается в ход символического обмена, способствуя возрастанию человеческого страдания.

Ключевые слова: знание, история безумия, биополитика, психиатрия, клиника и тюрьма, власть, дискурс

История статьи:

Статья поступила 12.12.2023

Статья принята к публикации 31.01.2024

© Попов Е.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Попов Е.А. Тема страдания в творчестве М. Фуко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 2. С. 434–449. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-434-449>

The Theme of Suffering in the Work of M. Foucault

Evgeniy A. Popov

Altai State University,
66 Dimitrova St., Barnaul, 656049, Russian Federation
 popov.eug@yandex.ru

Abstract. The article reveals the foundations of the theme of suffering in M. Foucault's concept. This topic unfolds at the level of Foucault's discursive analysis and references to the concept of biopolitics. Knowledge becomes the unifying link for such contradictory phenomena. At the same time, the key thesis in the thinker's approach is as follows: any knowledge about the world and a person's place in it is transmitted through symbolic exchange, affects the subject's attitude to the surrounding reality. Suffering appears as a result of the rupture of symbolic exchange under the influence of biopolitics. The gap releases sacred knowledge about the world based on the value-semantic structures of human individual and collective existence. Biopolitics and government aim to gain access to this knowledge. The article examines this approach and evaluates the tools of biopolitics' impact on the individual in comparison with the psychiatric power that complements such influence. Foucault traces the history of insanity to substantiate the idea of increasing suffering of subjects, extrapolates this idea to the modern social world to demonstrate its socio-political and socio-economic vulnerability. The article shows what grounds Foucault offers for conceptualizing suffering in the context of the powerful influence of biopolitics on a social subject. It is revealed that the government, according to Foucault's approach, launches the flywheel of biopolitics, which sets, among other things, the goal of seizing this knowledge. A continuation of biopolitics is the psychiatric power, which is also interested in obtaining knowledge.

Keywords: knowledge, the history of madness, biopolitics, psychiatry, clinic and prison, power, discourse

Article history:

The article was submitted on 12.12.2023

The article was accepted on 31.01.2024

For citation: Popov EA. The Theme of Suffering in the Work of M. Foucault. *RUDN Journal of Philosophy*. 2024;28(2):434–449. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-434-449>

Введение

В качестве преамбулы следует отметить: Фуко и тема страдания пересекаются многократно в различных концептуальных точках. В каких-то случаях более акцентированно, в других — скорее пунктирно, если исходить из того, что страдание — это переживание бытия, часто основанное на чувствах, заблуждениях, интенциях внутренней перманентной тревожности, а области

интереса Мишеля Фуко — это власть субъектов, фактов, обстоятельств, дискурсивных практик, надзора, сексуальности и т.д. Существует мнение о том, что дискурсивность Фуко сродни «тотальной процессуальности онтического базиса власти» [1]. В системе координат мыслителя страдание предстает не столько как «переживание бытия», сколько как эффект противостояния социума и индивида, а также власти и субъекта. Можно быть уверенным в том, что любой аргумент Фуко так или иначе переводится в плоскость оценок страдания: возможны ли институты власти, такие, к примеру, как тюрьма, больница без страдания? Вряд ли.

Цель исследования видится в выявлении оснований человеческого индивидуального и коллективного страдания в творчестве М. Фуко — главным образом в его концепции биополитики; данный вектор расширит концептуализацию темы страдания в философском ключе, станет основой для понимания страдания с точки зрения отношения субъекта к знанию.

Тема страдания близка Фуко и в той мере, в которой он обращается к опыту психиатрии. Исследуя различные проявления безумия в одной из своих ключевых работ «История безумия в классическую эпоху», Фуко в том числе делает акцент на роли психиатрии не только в излечении индивидов, но и в ее власти над человеком [2. С. 33–45]. Им предлагается понятие «психиатрической власти» [3], нюансом которой является причинение субъекту страданий в силу ее воздействия на него не только в медицинском плане (для лечения конкретной болезни), но и в социальном — при определении статуса безумца. Фуко нередко использует в характеристике психиатрической власти тему зла, особенно в тех случаях, когда дает оценку многочисленным ошибкам психиатров в медикализации болезни, но также и при их вмешательстве в социальную жизнь индивидов [3. С. 33, 35, 41].

Мыслитель уделяет внимание психиатрии и как феномену медицины, и как явлению философского порядка. Некоторые авторы рассматривают данный ракурс как «философскую психиатрию», апеллирующую к генезису безумия для демонстрации социально-политической неупорядоченности мира («безумный мир») [4]. Фуко обращает внимание на поиск таких оснований, которые имеют значение для человека постольку, поскольку он, например, становится пациентом клиники для душевнобольных или в другой ситуации попадает под каток власти. В психиатрии медицинской не так уж много предзаданных алгоритмов — есть четкое расписание болезней, способов лечения, имеются границы интересубъектного взаимодействия. Конечно, есть и самый грозный алгоритм — клиника. Этот образ прочно закрепился в дискурсе Фуко [3; 5; 6]. Другое дело — «психиатрия философская», оценивающая уровень рефлексии субъекта относительно «безумного мира», в котором происходят конфликты, сломы и катастрофы, возрастает социальная напряженность. Фуко делает один из ключевых выводов: безумие отражает одну из граней восприятия социального мира, сублимируя эпохальный опыт человечества в преодолении социальных, политических и экономических проблем.

По выражению Ж. Делеза, «мы будто бы наблюдаем у Фуко само страдающее бытие и страдающего человека в нем» [7. С. 56]. Особенности «страдающего бытия» в понимании Фуко оказываются отношение к несправедливой власти, эпохальным словам мировоззрения и миропорядка, а также утрата доступа поколений к обобщенному знанию, необходимому для установления социальной и культурной связи между поколениями и ведущему к социальной коммуникации и интеграции субъектов и т.д. Им рассматривается вариант сакрального знания о мире — такое знание есть у безумца, однако оно значимо лишь для него одного [8. Р. 44]. Такое знание также может принадлежать социальному субъекту, которого Фуко рассматривает как «винтик в механизме психиатрической клиники» [5. С. 28]. По мысли К. Коэна, Фуко разворачивает идею о роли знания в противопоставлении социального субъекта и «безумного мира». При этом исследователь отмечает, что Фуко предлагаются аргументы относительно роли различных институций в борьбе за сакральное и эпохальное знание о мире, некоторые из которых имеют в своем арсенале карающие способы воздействия на социального субъекта [9. Р. 56–58].

С точки зрения Фуко, если медицинская наука оперирует синдромами и алгоритмами ведения пациентов, то в системе философского знания может быть актуализирован вопрос об идентификации человеческого страдания в результате крушения смыслов бытия, возможно, появления каких-либо новых смыслов, обуславливающих развитие человека и общества. Конечно, для любого субъекта психиатрический диагноз как приговор; по крайней мере его наличие уже обрекает человека на страдание — он отчасти поражается в своих правах, рискует своим будущим, составляет проблему для родных и близких, может утратить свое прошлое, переместиться в страту изгоев и стать, таким образом, страдальцем. Исследуя историю безумия, Фуко нередко называет безумных страдальцами — они оказываются в застенках клиник и страдают, становятся подопытным материалом для архаических врачей и страдают [2. С. 69–72], не могут признать линейность мира и бытия [10. С. 15]. Фуко исследует большое количество исторических фактов, связанных с безумием и безумствующими, и на этом основании полагает, что безумие далеко не однозначный медицинский феномен — оно порождает страдание и может рассматриваться как объект биополитики [11].

Оставаясь в методологическом пространстве дискурсивности, философ определил проблему страдания, представив ее как дискурс некой «фундаментальной тайны», нуждающейся в раскрытии [12. С. 167, 170]. Такой тайной по всей видимости может являться сакральное знание о мире в его обобщенном виде, условно: тотальное знание. Обладание таким знанием становится возможным поводом для внимания к социальному субъекту со стороны биополитики или психиатрии. Возникает эффект «петиции о знании», который Фуко связывает с тем, что субъекты и общество должны договориться о сущности некоего знания и о его доступности для многих или не для всех

[12. С. 168–170]. В качестве примера приводится сексуальное знание: «Что же, секс — спрятан? Сокрыт новым целомудрием, по-прежнему храним под спудом угрюмых требований буржуазного общества? Напротив — раскален. Вот уже несколько веков он — в центре впечатляющей *петиции о знании*. Причем — петиции двойной, поскольку наша обязанность — знать, как обстоят дела с ним, тогда как сам он подозревается в том, что знает, как обстоит дело с нами» (курсив автора цитаты. — *Е.П.*) [12. С. 167].

«Петиция о знании», по Фуко, связана не только с социальными обязательствами субъекта или общества, но и со страданием — его причинами становятся реакции на социальные проблемы, но также и разрывы в символическом обмене, когда между поколениями или субъектами отсутствует взаимопонимание, проявляется недостаток возможностей или способов для консолидации, диалога и т.д. Такое страдание Фуко определяет как бесконечное, неотвратимое, одновременно субъектное и внесубъектное [8. Р. 70–71], а знание о мире, принадлежащее социальному субъекту, называет обязательным атрибутом символического обмена [13. С. 56–58]. В таком случае, согласно мыслителю, страдание предстает как элемент символического обмена, в ходе которого формируется и транслируется знание, не обязательно сакральное или иррациональное, оно может быть социальным, обусловленным процессами изменения общественных отношений и общественного сознания. В то же время знание является результатом символического обмена, в который также включена и биополитика. Ее задача, по Фуко, заключается в прерывании символического обмена для того, чтобы обрести доступ к знанию [14. С. 45–48]. В отличие от психиатрической клиники или тюрьмы, обладающих совершенно иными механизмами для «извлечения знания», включая механизмы биологического и физического воздействия на субъекта, биополитика опирается на способы разрыва символического обмена. Такие способы предполагают нивелирование традиционных ценностей и норм. На этот счет К. Коэн отмечает: «Фуко нашел этот разрыв: биополитика, покушаясь на социальное знание, не убивает субъекта, им обладающего, но создает для него серьезные препятствия, например, забвение или социальную смерть» [9. Р. 39].

Важным представляется установить, как именно биополитика находит путь к знанию, воздействуя и на субъекта, и на социальную реальность, его окружающую. Обозначенный ракурс должен привести нас к теме страдания, которая в концептуальном подходе Фуко связана с проблемой знания.

Знание, социальный мир и история безумия

Обладание знанием важно для каждого субъекта. И путь к приобретению знания, и обладание таковым — это всегда сложные этапы в жизни человека. Важное значение имеет рационализация знания, его связь с атрибутами бытия, социального мира. Фуко задается вопросом: насколько знание о мире совпадает с символизацией действительности? [8. Р. 66]. Отчасти этот вопрос

лежит в плоскости оценок истории безумия: в генезисе безумия мыслитель усматривает еще один разрыв символического обмена (наряду с другими — психиатрической властью, биополитикой). Вопрос может быть уточнен: находясь на границе «между миром врачей и миром больных» [15. С. 8], способен ли субъект обрести знание и рационально им владеть и распоряжаться? По одной из версий, самого Фуко считали сумасшедшим¹, однако этот факт скорее оценочно-биографический, чем символический. Вместе с тем внимание Фуко к истории безумия скорее объясняется не его личными переживаниями и суждениями о безумном мире, а рациональной исследовательской целью — разобраться в границах безумия, представив его в том числе как разрыв символического обмена и утрату доступа субъекта к сакральному знанию. При этом под сакральным знанием Фуко понимает всякое «социальное знание, дающее субъекту развернутое, а не скрытое представление о мире» [8. Р. 90].

История безумия, по Фуко, показывает, насколько субъект меняет свое восприятие и отношение к социальному миру. «Страдание мучает его, — пишет Фуко, — в силу утраты доступа к сакральному знанию и сакральному как таковому, он становится открыт для медицинских опытов, тотального принуждения, ресурса клиники» [8. Р. 101]. Таким образом, тема страдания в подходе мыслителя возникает как *отклик на разрыв символического обмена*, вызванный безумием, а возможно, намеренными действиями со стороны власти. По замечанию Ж. Делёза, у Фуко проявился острый медицинский взгляд [7. С. 36], позволивший в том числе поставить вопрос «о властно-дисциплинирующей функции психиатрии» [17. С. 67]. Тем не менее, данные навыки потребовались Фуко не для того, чтобы углубиться в психиатрию или историю безумия с медицинской точки зрения, а для иной цели. Имело значение исследование генезиса безумия для иллюстраций разрыва в символическом обмене: оно прерывает процесс обмена, нивелируя практически все социальные смыслы. В таком случае прекращается генерация какого-либо нового знания о социальном мире, а любые события безумия экстраполируются на современность, поддерживая символизацию «безумного мира».

Некоторые исследователи называли подход Фуко «освободительной психиатрией» — своего рода инструментом «проникновения в глубины человеческого бытия не ради излечения ума, но для высвобождения человека из мира страданий, из системы заточения в нем самом» [9. Р. 33–34]. Кстати, Делёз приводит часто высказываемое «мнение, что Фуко — прежде всего „философ заточения“ (общая больница в „Истории безумия“, тюрьма в „Надзирать и наказывать“)), но все же уточняет: «...это далеко не так, и это

¹ На данное обстоятельство обращает внимание один из биографов мыслителя: однажды преподаватель «обнаружил его (Фуко. — *Е.П.*) лежащим на полу с грудью, исполосованной бритвой. В другой раз его видели ночью, с ножом в руке: он гнался за каким-то студентом. Когда в 1948 г. он предпринял попытку самоубийства, это никого не удивило, ведь все уже знали о его неустойчивой психике» [16. С. 31].

недоразумение мешает нам уловить, в чем же состоит его глобальный проект» [7. С. 69]. Можно предположить, что таким «глобальным проектом» окажется разворачивание темы страдания как отклика на разрывы в символическом обмене, обеспечивающим интеграцию социального мира и социальных субъектов в нем. Многочисленные примеры таких разрывов Фуко обнаруживает в исследовании истории безумия, но не только. Современный социальный мир также их демонстрирует, нивелируя, например, традиционные ценности и нормы, по-прежнему делая ставку на институты принуждения и надзора, которые почти всегда связаны со страданием и являются инструментами биополитики. Фуко затрагивает вопрос о статусе безумца в той части, когда допускает последствия влияния на него эпохальных сломов: «весь мир как будто предстал в безумии, а сам безумец, наблюдая его, не способен что-либо изменить...» [8. Р. 92].

Знание о безумном мире, возможно, сакральное знание, не лишено сильнейших оков политизации, юридизации, социологизации и даже «сексуализации» [12. С. 226]. Пронизывая социальный мир, оно генерирует новые смыслы, включенные в символический обмен. Например, смыслы капитализма и посткапитализма и другие. Условное «безумие» с трансформацией ценностно-смысловых структур человеческого бытия трудно не заметить в социальном мире. Этот мир преломляется в сознании безумца: «Можно было бы сказать, что безумец — это воплощение нашего капиталистического общества, и мне кажется, что, в сущности, от обществ первобытных и до обществ индустриально развитых статус безумца нисколько не изменился. Все это лишь доказывает примитивность нашего общества» [10. С. 17].

Кроме того, Фуко вписывает социального субъекта в концепцию «паноптизма». Данное понятие предстает как «тип власти над индивидами, осуществляющейся в форме постоянного наблюдения за индивидами, в формах контроля, наказания и вознаграждения, в форме исправления, то есть образования и преобразования индивидов согласно определенным нормам. Выделяются три аспекта паноптизма: надзор, контроль и исправление — представляются основными измерениями властных отношений, присущих нашему обществу», и субъект оказывается в «грандиозном социальном паноптизме» [14. С. 122, 141]. В нем кто угодно легко может стать безумцем, не справившись с социальными потрясениями. При этом статус безумца развязывает власти руки настолько, что она может себе позволить любые способы исправления безумия — от медицинских до политических (или даже «биополитических»).

По мнению некоторых авторов, знание возникает как данность символического обмена, проникая в индивидуальную и социальную жизнь субъектов. Оно может исказить реальность, но, с другой стороны, способно стать «неким знанием, которое следует высвободить из оков политики и показать всем, что оно совсем не обязательно содержит ложь о социальной реальности» [18. Р. 222]. Фуко предлагает оценивать полноту знания о мире и месте

человека в нем в аспекте степени проявления страданий. Как отмечается мыслителем, «в процессе конституирования безумия» страдание достигает апогея, однако полнота знания о мире существенно не увеличивается, знание становится обрывочным и неустойчивым. С понижением градуса страданий полнота знания становится более выраженной — социальный мир предстает в его упорядоченности или, напротив, хаотичности [19. С. 62, 63]. Однако Фуко обращает внимание на тот факт, что на полноту знания о мире могут оказывать влияние психиатрия и биополитика. В таком случае философ рассматривает психиатрию как способ накопления знаний только лишь об одной стороне человеческого бытия — безумии, но признает, что психиатрии явно недостает строгой политической структуры и определенной моральной практики [19. С. 61–62]. Между тем такую структуру и практику приобретает биополитика, ориентированная на свой доступ к полному и всеобщему знанию о мире.

С другой стороны, путь к знанию важен и для психиатрии. Фуко допускает ее политизацию в условиях тоталитарного государства, когда она может перейти к карающему воздействию на любых субъектов, подчиняя их своей собственной власти [3. С. 90]. В то же время психиатрия влияет на символический обмен, регулируя каналы передачи знания и информации, делая их недоступными для субъекта. Она прерывает связь субъекта с социальным миром, утверждая свои собственные нормы бытия. Как выразился Фуко, она, усугубляя страдание субъекта, «царит в социальном мире, извращая его суть» [8. Р. 62]. В тоталитарном государстве власть использует психиатрию в политических целях, допуская ее вмешательство для «извлечения сакрального знания»: «однажды и безумец должен заговорить и сказать свое веское слово, поразительно точно отвечающее измерению каждой исторической эпохи, проверяющей человека и социум на прочность» [18. Р. 75]. «Безумец должен заговорить» — это девиз и психиатрии, и политики, рассчитывающей получить доступ к некому обобщенному, а возможно, и частному знанию о мире. По замечанию некоторых авторов, обратившихся к творчеству Фуко, «глобальный проект» мыслителя состоит в том, чтобы подчеркнуть его важную роль в понимании эпохи. Есть мнение о том, что безумие преломляет открытые или латентные пороки общества, а следовательно, становится объектом интереса для политики, которая, например, эти пороки не желает обсуждать и тем более не намерена их исправлять [20–22].

Уделяя внимание истории безумия, Фуко, как полагает О.А. Власова, использует феноменологический аспект: «За любой теорией психического заболевания так или иначе стоит онтология, определяющая статус окружающей больного реальности, статус его феноменального мира, специфическая гносеология...» [23. С. 17]. Феноменальный мир безумца осмысливается Фуко с точки зрения интериоризации бытия, апеллирующей к оценкам накопленного опыта человечества и иллюзорности психиатрии что-либо противопоставить масштабному и безграничному социальному опыту. Однако он допускает, что

психиатрия, ограничивая символический обмен в социальном мире, используя при этом институции психиатрической клиники или тюрьмы, вполне может получить доступ к эпохальному знанию, история которого прослеживается через историю безумия. При этом Фуко рассматривает историю безумия одновременно и в дискурсе власти, однако данный аспект исследования имеет скорее не политическую окраску, а семиотическую — в философском обозрении история безумия разворачивается как символический обмен между обществом и индивидом посредством дополнительных медиаторов — клиники, тюрьмы и т.д.

Кроме того, Фуко показывает, что статус безумца — это не только социальная категория, но и философская: такой статус связан с переживанием бытия и страданием как результатом такого переживания. Мыслитель подчеркивает, что история безумия — это вовсе не описание безумствующих и их поступков, это история эпох, переживающих безумие как отклик на катастрофизм, конфликты, войны и революции; за безумием скрывается отражение всех сомнений и просчетов человечества и человеческое безмерное страдание [14. С. 52].

Таким образом, проблематика безумия оказывается важнейшим объектом для философской рефлексии. Я бы, конечно, не стал полагаться на то, что Фуко идет по пути выделения «терапевтической функции философии» в части ее привязки к теме безумия для поддержания «направленности на исправление души», как об этом заявляет, например, П.А. Гаджигурбанова [24. С. 38]. Для Фуко скорее всего имеет значение иная функция философии, когда речь идет о безумии, — интериоризационная функция. Ему важно показать, какое значение оценка опыта безумия имеет для диагнозов современной социальной реальности. Концепт «безумного мира» в таком случае может обрести вовсе не метафорический смысл, а вполне рациональный. Однако Фуко как будто бы предостерегает: из безумия часто нет выхода, и его воздействие на социальный мир и субъектов многократно усиливает индивидуальное и коллективное страдание. Как полагает Х. Бэнг, безумие есть некий срез неупорядоченности социального мира, его всеобщей дисгармонии, культурно-исторических aberrаций, но оно также отражает «страдательную истину» — через безумие показано, как глубоко страдает вырванный из социального бытия индивид [4. Р. 66]. На этот момент обращает внимание и другой исследователь творчества Фуко Йоханна Оксала: страдание возникает по той причине, что субъект утратил с течением времени навык определения истины, потому кто-то другой должен эту истину для него определить. Это может быть врач-психиатр, но может быть и власть — у нее заметно больше возможностей — через собственные политические механизмы и институции [25. Р. 44].

Кроме того, Фуко прослеживает историю безумия с обращением к идее медикализации, которую он представляет как своеобразную «аннексию феномена безумия» [15. С. 13]; по выражению мыслителя, медикализация

свидетельствует о том, что «человеческое существование, поведение и тело интегрируются во все более густую сеть медицинского сервиса, и сеть эта захватывает все большее количество вещей» [6. С. 80]. С другой стороны, медиализация есть конституирование «особого рода опыта — опыта самого себя как сумасшедшего, опыта, как он складывался внутри душевной болезни» [8. Р. 313]; по сути, это опыт, подтверждающий статус безумца.

Таким образом, у Фуко дискурс безумия представлен в двух направлениях: 1) в аспекте «герменевтики страдания» (термин Санны Тиркконен [26. Р. 19]); 2) в границах интериоризации бытия. В первом случае в поле «герменевтики страдания» исследуемый феномен раскрывается у Фуко в привязке к символическому обмену — любой обмен социальными образцами, не совпадающими с ценностными структурами человеческого бытия, способен вызывать страдание. Такая трактовка подкрепляется и другим ракурсом, когда тема страдания может разворачиваться с точки зрения состояния субъекта, находящегося под воздействием медиализации: сами медики довольно часто используют страдание для характеристики боли, физического истощения, эмоционального опустошения в результате борьбы с болезнью и одновременно с социальными условиями, в которых больной пребывает [27. Р. 66–67]. Но для Фуко важно и то, что страдание возникает у субъекта с накоплением опыта противостояния различным социальным практикам, включая практику медиализации. Такой опыт необходим социальному субъекту для его противостояния любым политическим испытаниям; Фуко пишет: страдание вынуждает «переживать бытие как тяжкий груз, но человек, переживая, приближается тем не менее к пониманию смыслов, открывающих перспективы какой-то совершенно новой социальной жизни» [8. Р. 93]. Как отмечают П. Брэкен и П. Томас, понимание страдания с позиции Фуко опирается на историю безумия, но в то же время соотносится с символизацией социального мира, основанной на обмене социальными образцами и отражающей ценностно-смысловые структуры бытия [18. Р. 219].

«Рождение биополитики» в работе с таким названием Фуко связывает с необходимостью упорядочивания ценностных структур человеческого бытия — социальных, политических, экономических [11]. При этом феномен биополитики мыслитель оценивает преимущественно в негативном ключе: она так же, как и психиатрия, направлена на оценку опыта безумия и разрыв символического обмена, но ее главный объект — знание. Проблему болезненного восприятия социальной реальности, как известно, поднимал И. Кант в эссе «Опыт о болезнях головы» (1764). В своем произведении он усматривает признаки безумия, начинающиеся в голове, но затем отмечает их переход в иные субстанции и, в частности, находит их в душе: «...душа каждого человека, даже в здоровом состоянии, занята тем, чтобы рисовать себе всевозможные образы отсутствующих вещей» [28. С. 150]. Кроме того, Кант отмечает «страдание душ», а Фуко настаивает на социальном страдании, возникающим в результате реакций на катастрофизацию реальности.

Одной из целей биополитики становится «работа со знанием», в том числе с использованием инструментов надзора и в условиях заточения. Речь идет не только о формальном заточении в клинике или тюрьме, важное значение имеет суждение Фуко о том, что «истина находится в заточении — исходящая от безумца, она не пробивается сквозь заслон косных социальных и политических систем» [11. С. 53–54]. «Воля к истине» — это манифест Фуко, отраженный в названии одной из его ключевых работ [12], однако поиск истины — задача не для биополитики, которая прежде всего «охотится» за нужным ей знанием — сакральным, обыденным, политическим или другим, имеющим значение для целей власти. Точно так же дело обстояло и с психиатрией: Фуко заявлял, что она «не располагала полем, внутри которого констатация истины была бы возможна, ей пришлось ввести на смену классическому медицинскому кризису нечто, подобно ему являющееся испытыванием, но уже не испытыванием истины, а испытыванием реальности. Испытывание истины растворилось, с одной стороны, в техниках констатации истины — так произошло в обычной медицине, а с другой стороны, в испытывании реальности — так случилось в психиатрии» [3. С. 315]. С другой стороны, по мнению Ричарда Линча, «частный биополитик» готов выслушать безумца и увидеть в его позиции если не горькую правду о бытии, то ее выстраданную трактовку, «но в том-то и дело, что такая интерпретация ему будет не понятна настолько, чтобы найти полученному знанию нужное применение в теории и практике» [29. Р. 59].

Биополитика и страдание

Биополитика абсолютизирует власть как таковую, «уменьшая» статус человека и саму теорию человека — в этих условиях все чаще звучит тезис о человеческом страдании как «отдаче от властного дискурса», по словам Стива Гарлика [30. Р. 571]. Кстати, Гарлик заметил, что не характерная для политики тяга к власти над знанием скорее всего расценивается как попытка расширить именно политический дискурс, сделав его более продвинутым, функциональным. «Однако такая власть над знанием прерывается, — пишет Гарлик, — если политики наталкиваются на страдание. Фуко обнаружил, что для любой области политики страдание является отвлекающим объектом — политика всегда должна предложить способы минимизации последствий страдания, чтобы решить проблему социальной напряженности» [30. Р. 573].

Следует, по-видимому, задать вопрос: способна ли биополитика что-либо предложить для того, чтобы уменьшить страдание, ведь она и сама его провоцирует, нарушая символический обмен между субъектом и обществом? Знание является одним из главных объектов символического обмена, на нем построены общественные отношения, связи поколений, консолидация и интеграция социума. Рассматривая знание как «сопутствующее индивиду состояние» [8. Р. 112], Фуко допускает одновременно его индивидуализацию (субъектность) и обобщенный характер, когда граница между сакральным и

профанным знанием стирается. Между тем знание становится объектом биополитики совсем не случайно: (1) ее методы позволяют идентифицировать абсолютно любое знание; (2) обладание знанием может сделать человека как уязвимым, так и недостижимым — биополитика должна обеспечить уязвимость, чтобы открыть возможности для воздействия на субъекта.

Вообще, с точки зрения Фуко, биополитика — это дискурс не о смыслах жизни, а о том, как осуществлять тотальный общественный контроль над индивидами «не только через сознание и идеологию, но через тело и в теле» [16. С. 296]. Выстраивая свою концепцию, Фуко обращал внимание, что генерация знания происходит в русле символического обмена, но сам такой обмен может быть затруднен или вовсе невозможен в силу социальных потрясений или возникновения аномии. Любой разрыв в символическом обмене влечет за собой увеличение коллективного и индивидуального страдания — Фуко замечает в связи с этим, что обмен социальными образцами «обеспечивает преемственность знания, однако биополитика способна затруднить их передачу, а сам символический обмен подчинить собственной воле» [8. Р. 119]. Д. Михель рассматривает в контексте идей Фуко понятие «биовласть» как продолжение биополитики; по его мнению, «биовласть» — это власть, «которая не обрекает на смерть, а занимается „инвестированием жизни“» [17. С. 74]. Соотнесенность биополитики и «биовласти» лишь усиливает ответственность первой.

Вопросам биологии и телесности Фуко уделяет немало внимания, но страдание все же рассматривается в иной плоскости — не физиологической, а преимущественно политической и социальной. Безумец предстает в его теории и как обобщенный образ потерянного поколения или эпохи, и как страдающий субъект, оказавшийся под влиянием биополитики, связанной с «игрой общественных институций» [23. С. 547]. В такой игре проявляется особое внимание биополитики к социальному субъекту. Фуко определяет социально-политическую функцию страдающего социального субъекта: «его страдание есть социальный образец — оно дает своеобразный знак для тех, кто сомневается принять то или иное решение, кто не до конца понимает расклад политических сил, кто тешит себя иллюзиями справедливой власти» [8. Р. 94]. Для безумца Фуко отмечает иной вектор страдания: руководствуясь «опытом собственного тела» [23. С. 553], он «страдает лишь потому, что не принимает положения вещей в этом мире, его страдание — это отзвук его незнания или даже заблуждения относительно состояния мира, очевидно, что страдает он сам и его тело от незнания...» [8. Р. 74]. Итак, страдающий социальный субъект попадает в зону внимания биополитики. В отношении страдающего у нее одна цель: повысить градус его страдания, чтобы оно перестало быть «знаком» для других субъектов, и полностью завладеть социальным субъектом, подчинить его своей воле. По выражению Тимоти О'Лири, страдание, как его понимает Фуко, является залогом развертывания биополитики во всей ее мощи: она провоцирует страдание своей тотальностью, но ради же самой тотальной власти [31. Р. 44].

Данный ракурс в подходе философа отмечает исследователь его творчества С. Тиркконен: коллективное страдание — это то, к чему стремится любая власть, но не прямыми методами, а, например, с использованием ресурса биополитики. Согласно Тиркконену, «Фуко настойчиво приписывает вмешательство биополитики в процесс передачи социальных образцов. Разумеется, такое вмешательство, например, в традиции сохранения сакрального знания, не может не вызывать страдание. А само о себе он есть повод для спекуляций со стороны биополитиков» [26. Р. 92]. Фуко объективирует биополитику через институты, связанные с надзором и наказанием, — «исправительный аппарат, аппарат стандартизации индивидов» [14. С. 132].

Необходимо между тем подчеркнуть, что Фуко в основании своего подхода не выстраивает специальным образом систему координат, в которой бы биополитика оценивалась через соотнесенность безумия, знания и страдания, но все же эта линия суждений вполне идентифицируема. Так, например, Фуко неоднократно обращает внимание на то, что безумие меняет «способ восприятия вещей»: знание о мире не растекается по дереву, а наоборот, концентрируется и сжимается, становится более конкретным, соотносимым с реальностью [8. Р. 97, 101; 15. С. 14–15], «знающий» социальный субъект в большей степени подвержен страданию, а следовательно, становится объектом для биополитики в качестве источника сакрального или любого иного знания, имеющего важное значение для власти [2. С. 189, 209; 19. С. 61–62].

Знание социального субъекта у Фуко политизируется — оно становится, по словам одного из исследователей его творчества Л. Даунинга, «знанием, объединяющим или, наоборот, разъединяющим людей и общества, а значит, вполне понятны причины внимания к нему со стороны биополитики и биополитического надзора» [32. Р. 75]. Отмечу, что Фуко выражает уверенность в том, что утрата интереса к обладающему знанием и самому знанию как таковому со стороны политики и власти вполне закономерно может снизить градус страдания. Так, в «Герменевтике субъекта» появляется мысль о нивелировании страдания: это происходит в том случае, если знание становится «не моносубъектным, а полисубъектным» — если оно станет достоянием не единичного субъекта, а социума [32. Р. 99].

Таким образом, Фуко констатирует амбивалентные цели биополитики: с одной стороны, речь идет о повышении градуса индивидуальных и коллективных страданий — в таком случае социальный субъект становится более всего уязвим для воздействия властных структур и самой биополитики. С другой стороны, биополитика направлена на снижение человеческого страдания, но и здесь она преследует свою цель — получить доступ к сакральному или иному знанию о мире (эпохальному знанию), передаваемому в процессе символического обмена от одного поколения к другому.

Заключение

Тема страдания у Фуко соотносится с тремя феноменами человеческого бытия: 1) знанием; 2) безумием; 3) биополитикой. При этом основной

системой координат, в которой преломляется тема страдания, становится символический обмен, в результате которого между эпохами и поколениями передаются социальные образцы, содержащие ценностно-смысловые структуры сакрального, политического, правового и иных форм знания. В дискурсе власти, с точки зрения Фуко, знание всегда является ценным приобретением — знание о мире, о человеке, о политических изменениях, наконец, знание как некая тайна бытия. История безумия демонстрирует путь человека к страданию, оно многократно возрастает, а статус социального субъекта изменяется до статуса безумца. Генезис безумия, по Фуко, представляет собой развитие коллективного и индивидуального страдания, в том числе и по причинам разрыва коммуникации с социальным миром и отсутствием доступа к знанию о нем. Власть посредством биополитики всегда будет претендовать на обладание таким знанием.

В ходе исследования темы страдания в творчестве Фуко представляется возможным сформулировать следующие основные положения: (а) страдание идентифицируется как неотъемлемая часть субъектности индивида и результат воздействия на него со стороны биополитики или власти в различных формах ее проявления, например, власти психиатрической; (б) страдание субъекта возникает как отклик на разрыв в символическом обмене, цель которого, в частности, заключается в передаче знания от одного субъекта другому или между поколениями; (с) разрыв в процессе символического обмена происходит в том числе в связи с ценностными трансформациями, возникающими в «безумном мире» с его катастрофизмом, пересмотром социальных взаимодействий, морально-нравственных норм и т.д.; (д) утрата доступа субъекта к знанию (сакральному, социальному или иному) является одной из ключевых целей биополитики и в то же время следствием ее влияния на субъекта — утрата провоцирует страдание, становящееся элементом человеческого индивидуального и коллективного бытия.

Список литературы

- [1] Шевченко О.К. Дискурс «Pax Yalta» (к вопросу о пространственно-временной модели власти М. Фуко) // Вопросы философии. 2022. № 11. С. 122–129. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-11-122-129>.
Shevchenko OK. Discourse "Pax Yalta" (on the question of the spatial-temporal model of M. Foucault's power). *Voprosy filosofii*. 2022;(11):122–129. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-11-122-129>
- [2] Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб. : Университетская книга, 1997.
Foucault M. The History of madness in the Classical era. Saint Petersburg: University Book publ.; 1997. (In Russian).
- [3] Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году. СПб. : Наука, 2007.
Foucault M. *Psychiatric Power: A course of lectures delivered at the Collège de France in the 1973–1974 academic year*. Saint Petersburg: Nauka publ.; 2007. (In Russian).

- [4] Bang HP. *Foucault's Political Challenge: From Hegemony to Truth*. N.Y.: Palgrave Macmillan; 2015.
- [5] Фуко М. Рождение клиники. М. : Смысл, 1998.
Foucault M. *The Birth of the clinic*. Moscow: Sense publ.; 1998. (In Russian).
- [6] Фуко М. Рождение социальной медицины // Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступ. и интервью. Ч. 3. М. : Праксис, 2006. С. 79–95.
Foucault M. The birth of social medicine. In: *Intellectuals and power: Elected political Art., protrusion. and interview. Pt. 3*. Moscow: Praxis publ.; 2006. P. 79–95. (In Russian).
- [7] Делёз Ж. Фуко. М. : Издательство гуманитарной литературы, 1988.
Deleuze Zh. *Foucault*. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature; 1988. (In Russian).
- [8] Foucault M. *Politics, philosophy, culture. Interviews and other writings 1977–1984*. Kritzman L, editor. New York: Routledge; 1988.
- [9] Cohen C, Timimi S, editors. *Liberatory psychiatry*. Cambridge: Cambridge University Press; 2008.
- [10] Фуко М. Безумие и общество // Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступ. и интервью. Ч. 1. М. : Праксис, 2002. С. 7–18.
Foucault M. *Madness and society*. In: *Intellectuals and power: Elected political Art., protrusion. and interview. Pt 1*. Moscow: Praxis publ.; 2002. P. 7–18. (In Russian).
- [11] Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб. : Наука, 2010.
Foucault M. *The birth of biopolitics. A course of lectures delivered at the Collège de France in the 1978–1979 academic year*. Saint Petersburg: Nauka publ.; 2010. (In Russian).
- [12] Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М. : Касталь, 1996.
Foucault M. *The Will to Truth: Beyond Knowledge, power and sexuality. Works of different years*. Moscow: Castal publ.; 1996. (In Russian).
- [13] Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франсе 1981–1982 учебном году / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб. : Наука, 2007.
Foucault M. *Hermeneutics of the subject: A course of lectures delivered at the Collège de France 1981–1982 academic year*. Saint Petersburg: Nauka publ.; 2007. (In Russian).
- [14] Фуко М. Истина и правовые установления // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступ. и интервью. Ч. 2. М. : Праксис, 2005. С. 40–177.
Foucault M. *Truth and legal institutions*. In: *Intellectuals and power: Elected political Art., protrusion. and interview. Pt. 2*. Moscow: Praxis publ.; 2005. P. 40–177. (In Russian).
- [15] Фуко М. Власть, великолепный зверь // Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступ. и интервью. Ч. 3. М. : Праксис, 2006. С. 7–26.
Foucault M. *Power, the magnificent beast*. In: *Intellectuals and power: Elected political Art., protrusion. and interview. Part 3*. Moscow: Praxis publ.; 2006. P. 7–26. (In Russian).
- [16] Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. СПб. : Алетейя, 2010.
Dyakov AV. *Michel Foucault and his time*. Saint Petersburg: Aleteya publ.; 2010. (In Russian).
- [17] Михель Д. Мишель Фуко и западная медицина // Логос. 2019. Т. 29. № 2. С. 64–81.
<https://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-2-64-78>
Michel D. Michel Foucault and Western medicine. *Logos*. 2019;29(2):64–81. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-2-64-78>
- [18] Bracken P, Thomas P. From Szasz to Foucault: On the Role of Critical Psychiatry. *Philosophy, Psychiatry & Psychology*. 2010;17(3):219–228.

- [19] Фуко М. Полемика, политика и проблематизация // Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступ. и интервью. Ч. 3. М. : Праксис, 2006. С. 55–65.
Foucault M. *Polemics, politics and problematization*. In: *Intellectuals and power: Elected political Art., protrusion. and interview. Pt. 3*. Moscow: Praxis publ.; 2006. P. 55–65. (In Russian).
- [20] Double DB, editor. *Critical psychiatry: The limits of madness*. London: Palgrave Macmillan; 2006.
- [21] Miller P. *Critiques of psychiatry and critical sociologies of madness*. In: *The power of psychiatry*. Miller P, Rose N, editors. Cambridge: Polity Press; 1986.
- [22] Rose N. *The psychological complex: psychology, politics and society in England 1869–1939*. London: Routledge and Kegan Paul; 1985.
- [23] Власова О.А. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: История, мыслители, проблемы. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2010.
Vlasova OA. *Phenomenological psychiatry and existential analysis: History, thinkers, problems*. Moscow: Publishing House "Territory of the Future"; 2010. (In Russian).
- [24] Гаджихурбанова П.А. «Духовные упражнения» или «забота о себе» (стоическая этика в интерпретации П. Адо и М. Фуко) // Этическая мысль. 2009. № 9. С. 27–42.
Gadzhikurbanova PA. “Spiritual exercises” or “self-care” (stoic ethics in the interpretation of P. Ado and M. Foucault). *Eticheskaya mysl'*. 2009;(9):27–42. (In Russian).
- [25] Oksala J. *Foucault on Freedom*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005.
- [26] Tirkkonen S. *Experience in Michel Foucault's Philosophy*. Helsinki: University of Helsinki; 2018.
- [27] Chan G, Brykczynski K, Malone R, Benner P, editors. *Interpretive Phenomenology in Health Care Research*. Indianapolis, IA: Sigma Theta Tau International; 2010.
- [28] Кант И. Опыт о болезнях головы // Собр. соч.: в 8 томах. Т. 2. М. : Изд-во ЧОРО, 1994. С. 143–158.
Kant I. *Experience about diseases of the head*. In: *Works in 8 vols. Vol. 2*. Moscow: CHORO Publishing House; 1994. P. 143–158. (In Russian).
- [29] Lynch RA. *Foucault's Critical Ethics*. New York: Fordham University Press; 2016.
- [30] Garlick S. The Beauty of Friendship: Foucault, Masculinity and the Work of Art. *Philosophy & Social Criticism*. 2002;(28):558–577.
- [31] O'Leary T. *Foucault and The Art of Ethics*. London & New York: Continuum; 2002.
- [32] Downing L. *The Cambridge Introduction to Michel Foucault*. Cambridge: Cambridge University Press; 2008.

Сведения об авторе:

Попов Евгений Александрович — доктор философских наук, профессор, профессор, кафедра социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия (e-mail: popov.eug@yandex.ru). ORCID: 0000-0003-3324-8101

About the author:

Popov Evgeniy A. — DSc in Philosophy, Professor, Professor, Department of Sociology and Conflictology, Altai State University, Barnaul, Russia (e-mail: popov.eug@yandex.ru). ORCID: 0000-0003-3324-8101